

ПАТРИОТИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Выпуская первый номер своего «Дневника», я предупредил читателей, что я буду рассматривать в нем, между прочим, и те вопросы и явления, которые имеют интерес не только для нас, российских социал-демократов, но и для социал-демократов всего мира. К числу вопросов этого рода, несомненно, относится вопрос об отношении патриотизма к социализму; выдвинутый известным, резким и отчасти парадоксальным заявлением французского социалиста Эрвэ¹. Редакция журнала «La vie socialiste»² предприняла по его поводу целую «анкету», т. е. обратилась к социалистам разных стран с просьбой написать, что они думают об этом предмете³. В числе других получил такое приглашение и я. Мой ответ заключается в нижеследующем письме в редакцию вышеназванного журнала.

Дорогие товарищи!

Только теперь у меня нашелся некоторый досуг, позволяющий мне ответить на ваши вопросы. Это довольно поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Ваши вопросы гласят так:

«1) Что думаете вы о том месте «Манифеста Коммунистической партии», в котором сказано, что рабочие не имеют отечества?»⁴

2) К каким действиям, к какой форме пропаганды обязывает социалистов интернационализм ввиду милитаризма, «колониализма» и их причин и последствий?

3) Какую роль должны играть социалисты в международных сношениях (таможенные тарифы, международное рабочее законодательство и т. д.)?

4) Какова обязанность социалистов в случае войны?»

Я начинаю, как и следует, с начала.

Некоторые думают, что указанные вами строки Коммунистического Манифеста выражают собою скорее негодование

90

Маркса и Энгельса на тяжелое положение пролетариата в капиталистическом обществе, чем истинный взгляд их на отношение социализма к патриотизму. Так, например, Жорес в своем споре с Эрвэ назвал эти строки пессимистической бутадой, которая отчасти – заметьте, товарищи, *только* отчасти – объясняется обстоятельствами того времени, когда был написан Коммунистический Манифест и когда экономический кризис достиг своей высшей точки, а рабочие лишены были элементарных прав человека. Почти того же мнения держится и Э. Бернштейн. По его словам, интересующая нас «теза» может быть «оправдана» тем, что когда Маркс и Энгельс писали свой знаменитый Манифест, «рабочие везде лишены были права голоса, т. е. всякого участия в администрации»!¹

Я не могу согласиться ни с Жоресом, ни с Бернштейном.

Если бы они были правы, то выходило бы, что теперь, когда пролетариат передовых капиталистических стран уже имеет большую часть тех политических прав, которых не доставало ему накануне революционного движения 1848 г.; теперь, когда даже русский пролетариат не далек от приобретения прав гражданина, пределы социалистического интернационализма должны быть сужены в пользу

патриотизма. Но это значило бы, что *интернационализм должен отступить по мере успехов интернационального рабочего движения*. Мне кажется, что дело происходит как раз наоборот, что интернационализм все глубже проникает в сердца пролетариев и что теперь его влияние на них сильнее, чем это было в эпоху появления «Манифеста Коммунистической партии». Мне кажется, что «теза» Маркса и Энгельса нуждается не в *оправдании*, а только в *правильном истолковании*.

Слова «рабочие не имеют отечества» написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят «уничтожить отечество»². Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об «отечестве», понимаемом в совершенно определенном смысле, т. е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи. Манифест объявил, что *такого* отечества рабочие не имеют. Это было справедливо в то время; это остается справедливым теперь, когда пролетариат передовых стран пользуется известными, более или менее широкими, более или менее прочными политическими правами; это останется справедливым и на будущее время, как бы ни были велики те политические завоевания, которые еще предстоит сделать рабочему классу.

В самом деле, вы не забыли, надеюсь, товарищи, как изображал Жорес в зале Элизэ-Монмартр патриотизм того счастливого будущего, когда коммунизм делается господствующим способом производства. Тогда «отечества» будут существовать

91

лишь как представители оригинальных духовных черт, свойственных «различным народам». «Как индивидуумы с их характерными чертами, с их разнообразием не растворятся в социалистической организации, но удержат и утверждают в самых гармоничных формах оригинальность своей природы, точно так же и исторические индивидуальности, называемые отечествами: английское отечество, немецкое отечество, французское отечество, итальянское отечество, русское отечество, китайское отечество, – когда желтая раса освободится от гнетущей опеки белых... все эти отечества, с их нравственной индивидуальностью, созданной историей, с их языком, с их литературой, с их понятием о жизни, с их воспоминаниями, с особенной формой их надежд, с особым складом их страстей, их души, их гения, – все эти индивидуальности составят великое коммунистическое человечество завтрашнего дня». Эта тирада не безупречна с логической точки зрения: *индивидуум есть биологическая категория; национальность есть категория историческая*. Поэтому эти два понятия несоизмеримы. Но это мимоходом. Главное же для меня состоит здесь в том, что «отечества» будущего, как нам изобразил их Жорес, *совсем не похожи* на то «отечество», которое имели в виду буржуазные публицисты, нападавшие на коммунистов, и о котором говорили Маркс и Энгельс, возражая этим публицистам. Многочисленные и разноцветные «отечества» будущего являются в изображении Жореса не чем иным, как *народностями*. Если бы авторы Коммунистического Манифеста сказали, что рабочие не принадлежат ни к каким народностям, то это было бы не «пессимистической бутадой», а просто смешной нелепостью. Но они говорили не о народностях, а об отечестве, и вдобавок не о том отечестве, которое *будет существовать*, по мнению Жореса, в счастливом царстве коммунизма, а о том, которое существует теперь, при гнетущем господстве капиталистического способа производства. А

это отечество имеет, как я сказал, черты, делающие его очень мало похожим на те будущие «отечества», о которых говорил Жорес со свойственным ему красноречием. Какие же это черты? Их указал сам Жорес.

По его словам, после «окончательной и полной социальной революции» (*la révolution sociale complète et définitive*) *перестанут существовать* «как сила недоверия, исключительности, взаимного угнетения». Стало быть, в настоящее время, в царстве *капитализма*, «отечество служит не только выражением духовных особенностей различных народов, но также – и более всего – *выражением национальной исключительности, взаимного недоверия между народами и угнетения одного народа другим*. Каково должно быть отношение сознательного пролетария к *этому, к буржуазному, отечеству?*

92

«Манифест Коммунистической партии» говорит, что у пролетария нет *такого* отечества. Разве же его авторы не правы?

Их ответ не только не представляет собой «пессимистической бутады»; он не только не нуждается в «оправдании», но должен быть положен в основу всей международной политики социалистического пролетариата.

Маркс сказал, как известно, что германский пролетариат есть наследник германской классической философии. Жорес восклицает: «Нет, Кант со своей автономией, Фихте со своей гордостью абсолютного сознания, Гегель со своей революционной диалектикой могли быть поняты и представлены только таким рабочим классом, они могли воплотиться только в этом революционном классе пролетариев, которые хотят освободить все воли, оставить природу во власти одного только нравственного закона сознания и открыть вечной диалектике новые горизонты бесконечной человеческой революции».

Я не знаю, что значит оставить природу во власти одного только нравственного закона, и опасюсь, что революционному пролетариату никогда не удастся решить эту головоломную задачу; тем не менее я все-таки готов рукоплескать красноречию товарища Жореса. Но я не понимаю, в каком смысле это красноречивое место его речи могло бы поколебать ту мысль Маркса и Энгельса, что пролетариат не имеет отечества.

Жорес продолжает: «В этом заключается ответ тем, которые говорят рабочему классу, что он может не интересоваться вещами, относящимися к отечеству, всей национальной традицией». Это опять удивляет меня. Маркс и Энгельс никогда не говорили рабочим, что они «могут не интересоваться вещами, относящимися к отечеству». Но интересоваться этими «вещами» – не значит быть *патриотом*. Политическая власть, классовая диктатура, является, без всякого сомнения, «вещью», имеющей очень близкое отношение к «отечеству», а между тем авторы Манифеста всегда указывали пролетариату на необходимость ее завоевания. И напрасно думает Жорес, что отрицательное отношение к идее отечества тождественно с равнодушием к культурным приобретениям народа. Именно успехи культуры и приводят людей к пониманию узости этой идеи.

Жорес упрекал Эрвэ в софистике. В данном случае Эрвэ имел бы право вернуть ему этот упрек и сказать, что его довод напоминает софизм, к которому прибегают буржуазные экономисты, утверждающие, что *уничтожение капитала* было бы равносильно уничтожению *средств производства*. Капитал – это одно, а средства производства – совсем другое. Точно также иное дело – культурные завоевания данного народа, его цивилизация, а иное дело – «отечество». Необходимым условием существования капитализма служит отсутствие средств произ-

93

водства у огромнейшей части населения. Подобно этому необходимым психологическим условием любви к *своему отечеству* является то неуважение к правам *чужих отечеств*, которое сам Жорес называет *духом исключительности*. И если революционный пролетариат в самом деле должен «освободить все воли», то уже по одному этому он должен *подняться выше идеи отечества*.

Жорес указывает на знаменитого публициста времени Реставрации, Армана Каррэля, имевшего мужество пойти против своей собственной страны, когда она начала несправедливую войну с Испанией ¹. К этому можно прибавить, что во время польской революции 1863 года некоторые русские офицеры, не желая быть палачами соседнего народа, боровшегося за свою свободу, перешли в ряды польских «повстанцев». Я считаю эти подвиги геройскими, делающими честь французскому и русскому народам. Но *с точки зрения патриотизма эти подвиги являются позорнейшим преступлением: национальной изменой*.

При всем красноречии Жореса ему только потому удастся сделать свою «тезу» до некоторой степени приемлемой, что у него одна идея не отграничена от другой: идея *отечества, как оно есть, смешивается с идеей отечества, как оно, по его мнению, должно быть и будет*. Таким путем можно доказать решительно все что угодно. Но такое смешение понятий нимало не способствует выяснению вопроса.

Повторяю, отечество есть категория историческая, т. е. переходящая по своему существу. Как идея *племени* сменилась идеей *отечества*, сначала ограниченного пределами *городской общины*, а потом расширившегося до нынешних *национальных* пределов, так идея *отечества* должна отступить перед несравненно более широкой идеей *человечества*. За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась и видоизменялась патриотическая идея: *сила экономического развития*.

Идея отечества связывает людей одной страны теснейшими узами солидарности во всем, что касается интересов этой страны в их противоположности с интересами других стран. Герой одного из романов Тургенева, болгарин Инсаров, говорит: «В Болгарии последний мужик, последний нищий и я – мы желаем одного и того же, у всех одна цель» ², т. е. цель завоевания болгарской независимости. Такая цель заслуживает, конечно, всякой симпатии со стороны класса, стремящегося к «освобождению всех волей». Но надо помнить, что турецкие патриоты в свою очередь должны были не менее единодушно, забывая все классовые различия, стремиться к противоположной цели, т. е. к *поддержанию турецкого господства в Болгарии*. Во время восстания 1897 г. на острове Крите ³ младотурки ⁴, издававшие в Женеве журнал «Osmanlis», писали, что Крит при-

надлежит Турции по праву завоевания. Это было патриотическое суждение в его чистом, не софистицированном виде.

Но этот чистый патриотизм возможен только при двух условиях. Он предполагает, во-первых, неразвитое состояние борьбы классов, а во-вторых, отсутствие большого, бросающегося в глаза сходства в положении угнетенных классов двух или нескольких «отечеств». Где борьба классов принимает острый, революционный характер, расшатывая старые, унаследованные от прежних поколений понятия, и где, кроме того, угнетенный класс легко может убедиться в том, что его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны интересам господствующего класса его собственной страны, там *идея отечества* в весьма значительной степени утрачивает свое прежнее обаяние. Это показывает нам уже древняя Греция, где низшие классы граждан чувствовали себя более солидарными с низшими классами граждан других государств, чем с высшими классами своего государства-города. Пелопоннесская война, эта война между демократией и аристократией, охватившая большую часть тогдашнего греческого мира, может служить этому ярким подтверждением ¹. В новое время нечто подобное видим мы, хотя и в меньших размерах, в некоторых международных столкновениях, вызванных великой французской революцией конца XVIII века. На эти явления необходимо должен обратить внимание всякий тот, кто хочет серьезно выяснить себе историческое значение патриотической идеи. Но как ни важны эти явления, они представляются незначительными в сравнении с тем, что мы видим в современном освободительном движении пролетариата.

Капитализм, который по самому характеру своему должен стремиться выйти за пределы всякого данного «отечества» и проникнуть в каждую страну, захватываемую международным обменом, служит могучим экономическим фактором, расшатывающим и разлагающим ту самую идею отечества, которая – *в своем новейшем виде* – им же вызвана была некогда к жизни. Отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, несмотря на многочисленные и часто очень важные местные различия, по своему *существу* одинаковы во всех капиталистических странах. Поэтому сознательный *пролетарий* всякой данной капиталистической страны чувствует себя несравненно ближе к пролетарию всякой другой капиталистической страны, чем к своему соотечественнику – *капиталисту*. А так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция, которая положит конец господству капитала, должна быть *международной* ², то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, объединяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, по необходимости

должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т. е. «пролетариев всех стран». И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология *патриотизма* перед психологией *интернационализма*.

До тех пор, пока классовая борьба еще не расшатала в Греции патриотизма городских общин, афинский гражданин видел в гражданах Спарты чужестранцев, которых можно было эксплуатиро-

вать так или иначе – например, путем торговли или временных политических союзов, – но интересы которых не могли быть ему близкими и дорогими. Современный афинский уроженец, стоящий на точке зрения *современного* патриотизма, смотрит на Лакедемон ¹, как на часть своего отечества, интересы которого одинаково дороги ему *на всем его протяжении*. Это значит, что современный греческий патриот уже чужд того рода «исключительности», который был свойствен патриотизму городских общин. Но это совсем не значит, что он враждебен «вещам» своего родного города или хотя бы только равнодушен к ним. Нет, его патриотизм вполне совместим с самым ревностным, самым неутомимым служением «вещам» своего родного города. Этот патриотизм не допускает только эксплуатации в пользу этого города других частей того же отечества. Для такого человека *salus patriae - suprema lex* [благо отечества - высший закон]. Точно так же и современный социалистический интернационализм вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но он совершенно несовместим с готовностью поддерживать родную страну там, где ее *интересы приходят в противоречие с интересами революционного человечества, т. е. современного международного движения пролетариата, т. е. прогресса*. Интересы этого движения представляют собой ту высшую точку зрения, с которой современный социалист, не желающий изменить своим взглядам, должен оценивать все международные отношения как там, где ими выдвигаются вопросы войны и мира, так и там, где речь заходит о *коммерческой политике вообще и о «колониализме» в частности*. Для такого социалиста *salus revolutiae - suprema lex* [благо революции - высший закон].

Я прекрасно понимаю, что в этих словах заключается лишь общая формула, не содержащая в себе готового ответа для каждого частного случая. Но, по прекрасному выражению Маркса, наша теория вовсе не есть *passé-partout* [универсальная отмычка], избавляющий нас от необходимости внимательно изучать отдельные общественные явления. Современная социалистическая теория - это *алгебра*

96

революции, – могущая дать нам только *алгебраические* формулы. Чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них *алгебраические* знаки определенными *арифметическими* величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохраняют свой живой, диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...

Характер мертвой догмы имеет, например, то мнение, что социалисты должны быть против *всякой* войны. Еще наш Чернышевский писал, что такие абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждал, что Марафонская битва ¹ была благодетельнейшим событием в истории человечества ². Не менее догматично и то мнение, что мы, социалисты, можем сочувствовать только *оборонительным* войнам. Такое мнение правильно лишь с точки зрения *консервативного sui in sui* [каждому свое], а международный пролетариат, последовательно держась своей точки зрения, должен сочувственно отнестись ко всякой войне – оборонительной или наступательной, это все равно, – которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции.

Несомненно, однако, что в настоящее время войны между цивилизованными народами во многих

отношениях очень сильно вредят освободительному движению рабочего класса. Вот почему сознательные элементы этого класса являются самыми решительными и надежными сторонниками мира *.

На вопрос о том, как должны вести себя пролетарии тех стран, которые вступают между собою в войну, тоже нельзя дать один неизменный, раз навсегда изготовленный ответ. Этот вопрос поднимался, как известно, еще на Цюрихском международном съезде 1893 года ⁴. Домела Ньевенгайс выступила тогда с тем предложением, которое делает теперь Эрвэ: он утверждал, что ответом на объявление войны должна быть *военная стачка* ⁵. В качестве докладчика военной комиссии он решительно выступил против этого предложения ⁶, и меня энергично поддержали тогда марксисты всех стран, к великому негодованию различных, в изобилии присутствовавших на том съезде полуанархических и полубуржуазных элементов ⁷. Я и теперь думаю, что идея военной стачки – весьма неудачная идея. Вообразите, что начинается война между двумя странами, в одной из которых существует влиятельная рабочая партия,

* Несомненно и то, что колониальная практика буржуазных отечеств уже доставила международному пролетариату достаточно данных для решительного ее осуждения. По этому поводу достаточно напомнить решения последних международных съездов ³.

97

а в другой, – очень отсталой – рабочее движение едва-едва начинается. Что выйдет, если социалисты призовут пролетариев к военной стачке и если пролетарии не останутся глухи к их призыву? Это легко предвидеть. Передовая страна будет побеждена. Отсталое государство восторжествует! Выгодно ли это для международного социалистического движения? Нет, очень вредно. Стало быть, вредна была бы в этом случае и военная стачка.

Но Эрвэ думает, по-видимому, что военная стачка была бы уместна только в случае военного столкновения между двумя такими странами, в каждой из которых существует значительно развитое рабочее движение. В этом случае она, конечно, не имела бы указанного мною неудобства; но здесь против нее поднимается другое возражение.

Сам Эрвэ признает, что военная стачка имеет смысл только в качестве первого шага рабочей революции. И это верно. Но ведь революционный пролетариат всегда, и даже независимо от войны, должен стремиться к революции. Почему же он не делает ее, положим, в настоящую минуту? Очевидно, потому, что он еще недостаточно для этого силен ¹. Но если это так, то спорный вопрос сводится, стало быть, к другому вопросу: к вопросу о том, даст ли объявление войны пролетариату силу, необходимую для революции? А на этот последний вопрос, разумеется, нельзя ответить с помощью стереотипной формулы, годной для всех стран и для всякого данного времени. И уже по одному этому военная стачка не может быть принята международным пролетариатом в качестве общего тактического рецепта. И, конечно, международный пролетариат такого рецепта никогда себе не пропишет.

Если организованная рабочая партия какой-нибудь страны в момент объявления войны найдет, что час социальной революции пробил, то *в числе других средств достижения своей великой цели* она может прибегнуть и к военной стачке. Но тогда «теза» такой стачки должна будет подвергнуться всестороннему обсуждению на основании всех условий времени и места. Принимать же ее наперед

было бы по меньшей мере рискованно.

Резюмируя свой взгляд на этот предмет, я скажу, что решение международного Брюссельского съезда 1891 года до сих пор сохранило весь свой глубокий смысл ². Лучшим средством борьбы с милитаризмом нужно признать не тот или другой возможный – или предполагаемый таковым – акт рабочего класса, а *всю совокупность успехов освободительного движения пролетариата*. Наша борьба с милитаризмом вообще не может быть приурочена к отдельному действию. Это целый процесс.

98

На ваш вопрос о рабочем законодательстве можно, я думаю, ответить очень кратко. Никто из нас, международных социалистов, не сомневается в том, что *это* законодательство должно быть *международным*. Сомнение возможно лишь тогда, когда заходит речь о той конкуренции, которую менее требовательные пролетарии отсталых стран делают, при продаже своей рабочей силы, более требовательным пролетариям передовых стран. Некоторые наши товарищи приходили по этому поводу к мысли о *запретительном законодательстве*. Я нахожу эту мысль *противоречащей* принципам международного социализма. По моему твердому убеждению, мы должны держаться другого метода борьбы с *указанной* конкуренцией. *Революционный пролетариат передовых стран должен стараться пробудить «классовое сознание в умах своих конкурентов, приходящих из отсталых стран, и организовать их для совместной борьбы с капиталом, а не обороняться от, них с помощью пограничной стражи.*

Вот что я могу, товарищи, ответить вам на наши вопросы. Простите, если я слишком долго занимал ваше внимание.

Преданный вам Г. Плеханов.

ПРИМЕЧАНИЯ

698

ПАТРИОТИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Статья «Патриотизм и социализм» представляет собой ответ Плеханова на анкету журнала «La vie socialiste», опубликованную в июне 1905 г. Написанная во время русско-японской войны, эта статья содержит марксистские положения по вопросу о милитаризме и борьбе с ним социалистических партий. Анализируя то место «Манифеста Коммунистической партии», где сказано, что рабочие не имеют отечества, Плеханов высказывает правильные взгляды, резко противоречащие той позиции, которую он занимал позднее, в годы первой мировой империалистической войны.

Ответ Плеханова на анкету журнала «La vie socialiste» был опубликован в А» 18 этого журнала от 20 июля 1905 г., стр. 65—76. Лишь после этого он появился на русском языке в № 2 плехановского «Дневника социал-демократа», вышедшем в Женеве в августе 1905 г. Затем, в 1906 г., статья «Патриотизм и социализм» вышла в виде отдельного оттиска из «Дневника». В том же 1906 г. без ведома Плеханова брошюру выпустило петербургское издательство «Пролетариат». В 1905 г. она была опубликована на болгарском языке. По-видимому, Плеханов проектировал также издание сборника «Патриотизм и социализм», о чем свидетельствует письмо к нему из издательства «Общественная польза» от 21 сентября 1905 г., хранящееся в Доме Плеханова.

699

Из всех этих изданий только первое женеvское издание могло пройти через руки Плеханова, это издание и положено в основу настоящей публикации.

К стр. 89

¹ Французский анархо-синдикалист Гюстав Эрве в то время выступал как ярый противник войн, за что подвергался преследованиям правительства. Но он исходил из метафизической установки, полагая, что, рая пролетариат не имеет отечества, значит, все войны служат только интересам капиталистов. Отсюда он делал вывод: на всякое объявление войны пролетариат должен ответить всеобщей забастовкой и восстанием.

Ленин, резко критикуя взгляды Эрве, писал: «Пресловутый Эрве защищал весьма не-состоятельную позицию, не умея связать войны с капиталистическим режимом вообще и антимилитаристской агитации со всей работой социализма. Проект Эрве... обнаружил полное непонимание того, что применение того или иного средства борьбы зависит не от

предварительного решения революционеров, а от объективных условий того кризиса, и экономического и политического, который война вызовет» (*В. И. Ленин*, Соч., т. 13, стр. 75).

² «*La vie socialiste*» («Социалистическая жизнь») — двухнедельный журнал, выходивший в Париже под редакцией Прессансе и носивший несколько беспринципный характер. Согласно заявлению редакции, он ставил своей основной задачей способствовать единству французского социализма, почему и предоставлял свои страницы представителям различных течений в партии. Первый номер журнала вышел 5 ноября 1904 г.

³ В № 15 журнала «*La vie socialiste*», от 5 июня 1905 г., помещена анкета, приведенная ниже Плехановым. Ответы на эту анкету социалистов разных стран и разных течений были опубликованы в ряде номеров журнала. Среди них имеются ответы Бебеля, Лафарга, Вальяна, Каутского, Гайндмана и др.

В № 16 помещен ответ Эрве, начинающийся словами: «Можно ли примирить патриотизм с интернационализмом? Да, примерно так, как воду с огнем» («*La vie socialiste*», 1905, № 16, стр. 970).

⁴ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 25.

К стр. 90

¹ Бернштейн высказал это мнение в ответе на анкету «*La vie socialiste*». Из приведенных Плехановым его утверждений Бернштейн делает вывод о том, что положение Манифеста: «рабочие не имеют отечества» — в настоящее время потеряло свой смысл (см. «*La vie socialiste*», 1905, № 15, стр. 897).

² Словам «рабочие не имеют отечества» в Манифесте предшествует фраза: «...коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, стр. 25).

К стр. 93

¹ Речь идет о французской военной интервенции в Испании, предпринятой в 1820—1823 гг. по решению Священного союза с целью удушения испанской буржуазной революции. Француз Арман Каррель участвовал в 1823 г. в этой войне, в качестве добровольца, на стороне Испании.

² См. *И. С. Тургенев*, Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 3, Гослитиздат, 1954, стр. 66.

³ После захвата Крита Турцией в 1669 г. греческое население острова не переставало вести вооруженную борьбу с оккупантами. Эта борьба особенно обострилась в XIX в. под влиянием начавшейся национально-освободительной борьбы в Греции. После окончания греко-турецкой войны

700

в 1897 г. Крит получил автономное управление, хотя и оставался в составе Турецкой империи.

⁴ *Младотурки* — участники буржуазно-революционного движения в Турции, в большинстве представители интеллигенции, отражавшие интересы буржуазии и либеральных помещиков. Движение это возникло в конце XIX в., в 1908 г. произошла младотурецкая революция.

К стр. 91

¹ *Пелопоннесская война* 431—404 гг. до н. э. была войной между рабовладельческой олигархией Спарты и рабовладельческой демократией Афин. В ходе этой войны обнаружилась тенденция превращения ее из войны государств в войну гражданскую. Постепенно она распространилась на всю Грецию и захватила даже негреческие города Южной Италии и Сицилии.

² Здесь Плеханов, как и другие марксисты того периода, исходит из известных высказываний Маркса и Энгельса, верных для эпохи домонополистического капитализма, о том, что социалистическая революция произойдет одновременно в целом ряде стран. Мысль о возможности социалистической революции первоначально в нескольких или в одной, отдельно взятой стране впервые была высказана и развита Лениным на основе анализа империализма и блестяще подтвердилась опытом Великой Октябрьской социалистической революции.

К стр. 95.

¹ *Лакедемон*, — аристократическое рабовладельческое государство в древней Греции, больше известное под названием Спарты.

К стр. 96

¹ *Марафонская битва* — первое крупное сражение во время греко-персидских войн 500—449 гг. до н. э., происшедшее в 490 г. до н. э. В этой битве победа была одержана греками благодаря лучшей военной организации греческой армии и главным образом благодаря высокому моральному духу греческих воинов, сражавшихся за независимость своего отечества.

² См. *Н. Г. Чернышевский*, Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, 1947, стр. 208. Полностью цитата приведена в т. I Настоящего издания, на стр. 575, в подстрочном примечании.

³ Имеются в виду Брюссельский (1891) и Цюрихский (1893) конгрессы II Интернационала.

⁴ Цюрихский конгресс II Интернационала состоялся 6—12 августа 1893 г. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на этом конгрессе, был вопрос о милитаризме и войне.

⁶ Предложение голландцев, внесенное их представителем Домелой Ньювенгейсом, изложено в «Протоколах» конгресса следующим образом: «Конгресс постановляет предложить международной рабочей партии быть готовой в случае объявления правительством войны немедленно ответить всеобщей забастовкой и везде, где рабочие могут иметь влияние на войну, в тех странах на объявление войны ответить отказом от военной службы» (см. приложение к IV т. Сочинений Г. В. Плеханова, стр. 329).

⁶ Плеханов был на Цюрихском конгрессе единственным представителем от российской социал-демократии. Мандаты на конгресс он получил от петербургского кружка и от «Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке». Оба эти мандата упомянуты в «Протоколах» рядом с его фамилией в списке делегатов конгресса. На конгрессе Плеханов работал в военной комиссии и был ее докладчиком на пленуме конгресса по вопросу о милитаризме. Доклад его был

опубликован в виде письма в редакцию журнала «L'Ere nouvelle» в октябрьском номере этого журнала за 1893 г. По-русски доклад опубликован в Сочинениях Плеханова,

701

т. IV, стр. 161—165, в «Литературном наследии Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 136—139, и в журнале «Под знаменем марксизма», 1922, № 5-6.

⁷ Из 20 представленных на конгрессе наций за голландскую резолюцию голосовали только 6, в том числе Франция, но огромным большинством была принята существенная поправка к этой резолюции, внесенная бельгийцами: «... представители рабочих в парламенте обязаны голосовать против всякого военного бюджета и выступать за всеобщее разоружение» («Protokoll»..., S. 30.)

К стр. 97

¹ В своем докладе на Цюрихском конгрессе Плеханов говорит: «...предложение голландцев — военная забастовка во время войны — является не чем иным, как *утопией*. В самом деле, для того, чтобы осуществить это предложение, нужна сила, большая сила, нужно, чтобы армии слушались голоса социалистической демократии. Однако, когда мы будем иметь эту силу, нам не нужно будет складывать оружия: *нашим долгом* будет найти для оружия другое применение, характер которого очень легко предвидеть» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 161).

* Резолюция Брюссельского международного социалистического конгресса приведена в статье Плеханова «Рабочее движение в 1891 г.», опубликованной в журнале «Социал-демократ», книга четвертая, 1892 г. (см. Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 109—110). Эта резолюция, внесенная В. Либкнехтом, получила название «немецкой», хотя она была горячо поддержана французским делегатом Вальяном. В основу обсуждения военной комиссии Цюрихского конгресса легли две резолюции — «немецкая» резолюция Брюссельского конгресса и голландская Ньювенгейса, которая призывала к всеобщей стачке.

Источник: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. III. М., 1957.